

В Павильоне Ланьтин когда-то жила танцовщица, чье мастерство гремело на всю округу, поражая воображение каждого, кто видел её выступления.

Звали её Тао Яо.

Своей былой славой Павильон Ланьтин был обязан именно ей.

Три года назад второй молодой господин из дома Чжао, пленившись её красотой, часто навещался в павильон, чтобы излить ей свои чувства. Со временем Тао Яо и впрямь влюбилась, выкупила себя из рабства и последовала за ним в поместье Чжао.

Она полагала, что, пусть ей не стать законной женой, она хотя бы обретет статус наложницы.

Кто же знал, что не пройдет и полгода, как второй господин Чжао охладет к ней и перестанет обращать на неё внимание. Жизнь Тао Яо в поместье стала горше собачьей.

Спустя несколько дней семья Чжао устроила для своего отпрыска брак с девушкой из достойного рода.

Еще через несколько дней.

Тао Яо бросилась в колодец на территории поместья.

Семья Чжао официально объявила, что Тао Яо покончила с собой.

— Покончила с собой? Даос, вы хоть знаете, что на момент смерти Тао Яо уже носила ребенка второго господина Чжао? — голос Цзы Янь слегка дрожал. — По сути, семья Чжао просто решила, что Тао Яо станет помехой для выгодного брака! Бедняжка, у неё ведь еще сестра осталась, которая, узнав о трагической гибели Тао Яо, слегла с тяжелой болезнью и теперь не встает с постели.

Семья Чжао просто испугалась последствий, раз даже спустя два года после смерти второго господина Чжао они всё ещё пытаются свалить вину на Павильон Ланьтин! Ха, если мы и причастны к этому, то лишь гневом мстительного духа Тао Яо!

Красивые брови Инь Хуайсяня слегка нахмурились; было видно, что он слышит об этом впервые.

— Даос, даос, — к нему снова подошел Бай Ван с неизменной насмешливой улыбкой.

Инь Хуайсянь искоса взглянул на него, явно сдерживая раздражение. Несмотря на свой холодный, отрешенный вид, при общении с Бай Ваном он выглядел так, словно вот-вот потеряет самообладание.

Бай Ван отступил под его взглядом, и Инь Хуайсянь, спохватившись, отвел глаза:

— Что-то случилось?

— А... — Бай Ван пришел в себя и усмехнулся: — У вас на поясе такой красивый узор на мече. Можно взглянуть поближе?

Инь Хуайсянь, опустив голову, пробормотал что-то невнятное, но всё же протянул меч.

Бай Ван рассмеялся и провел рукой по ножнам, украшенным морозным узором секты Цинской Цзюсяо. Сердце его едва заметно дрогнуло, но внешне он остался невозмутим.

Значит, в этой жизни, даже без меня, ты всё равно вступил в секту Цинской Цзюсяо?

— Благодарю, даос, — Бай Ван немного подержал меч, после чего с улыбкой убрал руку.

— Не могла бы эта девушка провести меня по павильону? — Инь Хуайсянь обратился к Цзы Янь, его голос звучал холодно.

— Д-да, конечно, даос, следуйте за мной, — растерянno ответила Цзы Янь.

Инь Хуайсянь кивнул и направился к выходу. Когда он проходил мимо Бай Вана, тот почувствовал исходящий от него слабый холодный аромат.

Этот запах показался Бай Вану одновременно чужим и до боли знакомым. В мгновение ока он перенесся в прошлую жизнь.

В прошлой жизни в его покоях всегда курили благовония с таким же холодным ароматом.

Тогда он тоже оказался в небольшом городке по воле случая.

Обернувшись, он увидел семи-восьмилетнего мальчишку, который в грязных лохмотьях копался в углу улицы, выискивая объедки.

— Не ешь, не ешь это! — Бай Ван, не раздумывая, присел перед ним и выбил мусор у него из рук.

— Не бейте меня, я больше не буду, п-пожалуйста, не бейте... — ребенок, явно напуганный, закрыл глаза и начал пятиться, заливаясь горькими слезами. — Я виноват, я виноват.

— ?? — Бай Ван опешил от внезапного рыдания, но тут же пришел в себя и поспешил успокоить его: — Не плачь, я не плохой человек, тише, не плачь.

Бай Ван, единственный прямой ученик Цюнфан-цзюня из секты Цинской Цзюсяо, издевающийся на улице над ребенком — если бы это стало известно, репутация секты была бы уничтожена.

Мальчик продолжал сжиматься в комок в углу. Бай Ван огляделся, выскочил из переуллка и вернулся с леденцом на палочке:

— На, возьми, не плачь, будь умницей.

Ребенок, не устояв перед искушением, всхлипывая, принял угощение.

Бай Ван улыбнулся и, не побрезговав грязью, стер рукавом слезы с лица ребенка. Его белоснежный рукав тут же покрылся черными пятнами.

— Не... не надо, ваш рукав... испачкался, я грязный, — пробормотал мальчик.

— Ты не грязный. А где твои родители? — удивленно спросил Бай Ван.

— Что такое папа... — мальчик посмотрел на него с недоумением.

А, вот оно что.

— А мама? — спросил Бай Ван.

— Мама... — ребенок помедлил. — Хочешь её увидеть?

— Да, пошли, — Бай Ван взял его за руку.

Маленькая ручка вела Бай Вана, пока они не оказались у высокой стены с красной краской, в которой зияла дыра, похожая на собачий лаз.

Бай Ван замер в изумлении, наблюдая, как ребенок пролезает внутрь. Постояв мгновение, он легко перемахнул через стену. Оказавшись во дворе, он увидел, что мальчик сидит у отверстия, теребя рванный рукав и с тревогой ожидая его.

Бай Ван помедлил, перепрыгнул обратно и сам пролез через лаз. Весь в пыли, он широко улыбнулся:

— Я здесь, я пришел.

Лицо ребенка просияло, он сам потянулся к руке Бай Вана.

Это был задний двор богатого поместья. Мальчик подвел Бай Вана к углу и указал на безымянный земляной холмик:

— Мама, я снова пришел к тебе.

Сердце Бай Вана сжалось от холода.

— Тот... брат, спасибо, что проводил. Мне пора работать, — мальчик опустил голову. — Спасибо за леденец.

Бай Ван хотел что-то сказать, но не успел: издали послышались крики:

— Где этот выродок по фамилии Инь?! Воду сегодня носил?!

Мальчик изменился в лице и бросился прочь.

Бай Ван окликнул его, но не догнал. Постояв немного, он поклонился безымянной могиле, вздохнул и ушел.

Он думал, что на этом их пути разошлись.

Однако, когда Бай Ван закончил дела в городке и собрался возвращаться в секту, он снова встретил его.

Перед публичным домом мальчишку ударом ноги втолкнули внутрь, но он отчаянно пытался выбраться наружу.

Семи-восьмилетний ребенок уже понимал, что его ждет в этом месте.

— Опять бежишь? — хозяйка заведения схватила ребенка за волосы и потащила внутрь, не проявляя ни капли жалости. — Попробуй только еще раз убежать, я тебя до смерти забью!

— Отпустите! Отпустите меня! — мальчик отчаянно сопротивлялся, но получил звонкую пощечину. В глазах поплыло, а щека горела огнем.

Хозяйка, видимо, не удовлетворившись, замахнулась для второго удара, но рука её застыла в воздухе.

— Я покупаю этого ребенка, — Бай Ван улыбался, но его рука, перехватившая запястье женщины, сдавила его с такой силой, что та едва не взвыла.

В конце концов Бай Ван отправился в путь обратно в секту Цинсуй Цзюсяо.

А в его руках был семилетний мальчик.

— Как тебя зовут? — спросил Бай Ван, летя на мече.

— Инь... Инь Лан.

— Инь Лан, красивое имя. Давай я дам тебе второе имя? Лан — это яшма, а в выражении «хранить яшму, не завидуя другим» есть слово Хуайсянь. Пусть будет Инь Хуайсянь, нравится?

Бай Ван помнил, как произнес это тогда.

Тогда... это ведь была уже прошлая жизнь.

— Даос, вам сюда, — Цзы Янь водила Инь Хуайсяня по второму этажу. Собираясь спускаться, она увидела, что за ними следует Бай Ван.

— А Ван, ты чего? — удивилась Цзы Янь.

— Я тоже хочу составить компанию даосу, — глаза Бай Вана лукаво блеснули, а голос стал игривым: — Ой, я никогда не видел таких статных и красивых людей, хочется полюбоваться подольше.

Бай Ван обычно не вел себя так легкомысленно, и Цзы Янь, не зная, что ответить, украдкой взглянула на даоса.

Инь Хуайсянь остался невозмутим.

Бай Ван посмотрел на его непоколебимую фигуру и вздохнул про себя.

О чем я вообще думаю? Перерождение — это не капуста на грядке.

Бай Ван молча собрался с мыслями и пошел следом за ними.

Однако в тот момент, когда Бай Ван и Цзы Янь отвели взгляды, рука Инь Хуайсяня, опущенная вдоль тела, сжалась в кулак. Его холодные глаза едва заметно дрогнули, словно он сдерживал нечто невыносимое.

Прошло много времени, прежде чем он разжал пальцы.

А его глаза, похожие на холодный хрусталь, окончательно остыли, превратившись в лед.

<http://bllate.org/book/19399/1899625>